

Баве Алан

Езиды в Армении - от досоветской маргинализации к современному исключению и разобщённости

Во второй части рассказа подчёркивается, что в Армении езиды прошли путь от маргинализации в советский период к фактическому исключению сегодня. Националистическая политика и внутренний раскол элит ослабили курдский голос и превратили общину в малозаметную

После изучения истории езидов в Шенгале и их трансформации из маргинализированной группы в политически осознанное сообщество, во второй части внимание переключается на езидов Кавказа, прежде всего Армении. Здесь рассмотрено, как исторические, культурные и политические факторы сформировали отдельную траекторию развития, определяемую переопределением идентичности, особенностями государственной политики и коллективным опытом выживания. Память о виктимизации и борьба за сохранение сообщества сформировали двойственность идентичности и политики среди кавказских курдов-езидов. Присутствие и роль кавказских курдов в трёх исторических периодах — досоветском, советском и постсоветском — отражают сложное переплетение политических, культурных и демографических процессов.

Кавказские курды: от автономии к политической маргинализации

1 — Досоветский период (до 1920 года)

Курды издавна населяли приграничные зоны между Восточной Анатolieй, Южным Кавказом и Северной Месопотамией. В XVIII–XIX веках вследствие отсутствия безопасности, военного давления и экономических трудностей многие были переселены на Южный Кавказ османскими и российскими властями. Так сформировались курдские поселения в Лачине, Зангезуре, Карабахе, Нахичевани и восточной Армении.

Езиды — часть более широкой курдской общности — мигрировали на Кавказ преимущественно из-за религиозных преследований в Османской империи. В российском государстве курдская идентичность сохранялась в рамках племенных, религиозных и языковых структур без собственных политических институтов. Локальные лидеры — ханы, шейхи, племенные вожди — выполняли полуавтономные функции, компенсируя отсутствие национального самоуправления.

Российская империя оказывала езидской общине ограниченную поддержку, рассматривая её как «немусульманское население», потенциально полезное в противостоянии Османской империи. Однако политической субъектности у езидов не возникло: отсутствовали образовательные и медиа-структуры на курдском языке. Курдский язык сохранялся лишь в устной традиции — в религиозных текстах, фольклоре, поэзии. Низкая грамотность и отсутствие стандартизированной письменности препятствовали формированию полноценного национального сознания, несмотря на отдельные инициативы 1918–1919 годов в Ереване и Тбилиси.

Досоветский период характеризовался политической маргинализацией, демографическим инжинирингом и ограниченным признанием курдской идентичности. Однако миграция образованных курдов в Баку и Тбилиси и контакт с социалистическими и большевистскими кругами сформировали основу новой курдской элиты — будущего ядра советского курдского культурного движения. Среди первых представителей этой элиты — Араб Шамо, ставший первым курдским романистом СССР.

2 — Советский период (1920–1991)

С установлением советской власти на Кавказе курды вступили в новый этап культурно-политической истории. Политика «коренизации» 1920-х годов предоставила ранее маргинализированным курдам Армении возможность институционального развития.

Были открыты десятки курдских школ, начался выпуск газет Riya Kurd и Riya Taza, а Ереванское курдское радио стало ключевым инструментом формирования курдской литературной традиции. В 1932 году был создан Союз курдских писателей, в Алагязе открылся первый государственный курдский театр, а в 1935 году вышел первый курдский роман — значимый этап становления курдской литературы.

Выдающиеся деятели — Роман Амоян, Амин Удал, Араб Шамлоф, Фарик Боладбеков, Ирем Силиан, Джалил Джалил — внесли вклад в создание курдского кириллического алфавита.

Однако культурный подъём был резко прерван сталинскими репрессиями 1937 года. Сотни курдов были депортированы в Центральную Азию, большинство культурных инициатив ликвидировано. После смерти Сталина последовало частичное восстановление культурной активности, но уровень развития 1930-х годов уже не был достигнут.

Советский период был двойственным: он предоставил беспрецедентные возможности для языковой и культурной модернизации, но сопровождался депортациями, политическим

контролем и постепенной русификацией. Возрождение курдской культуры оказалось скорее инструментом советской политики, чем устойчивым культурным проектом.

3 — Постсоветский период (1991–2025)

Распад СССР лишил курдов прежних механизмов поддержки и открыл период политической нестабильности. В новых национальных государствах курды оказались в положении маргинализованного меньшинства.

С конца 1980-х до начала 2000-х годов в условиях этнических конфликтов и Карабахской войны многие курды покинули Армению, перемещаясь в Россию, Азербайджан и Центральную Азию. Значительная часть езидов, напротив, осталась в Армении, опираясь на культурные и религиозные связи, а также участвуя в конфликте на стороне армянских сил.

Сегодня курды проживают в сельских районах Арагацотна, Армавира, Арарата, Талина, Апарана, Котайка, а также в Ереване и горном Алагязе. В отличие от советского периода тесной структурной организации, нынешняя община характеризуется фрагментированностью, слабой координацией и отсутствием полномасштабной культурной политики.

Активность курдов представлена Советом курдского народа, Комитетом «Курдистан-1990», Советом интеллигенции, Советом армяно-курдской дружбы, Национальным союзом езидов и движением Свободных курдских женщин. Продолжают выходить газета Riya Taza и журнал Zagros, работает телеканал Çira TV, а курдология сохраняется как направление в Ереванском университете. Однако эти инициативы носят символический характер на фоне утраты институциональной базы и ослабления курдской идентичности.

Шенгал и Ереван: две колыбели езидской идентичности

С 1990-х годов Армения ввела парламентские квоты для меньшинств, предоставив езидской общине два места как «религиозно-культурному меньшинству». Такое разделение отражает государственную стратегию управления меньшинствами, укрепляя разграничение между курдами и езидскими элитами и ослабляя курдскую политическую субъектность. Езидские лидеры, стремясь избежать политической ассоциации с курдскими движениями Ближнего Востока, поддержали такую модель, закрепив институциональный раскол.

Государственная политика Армении, основанная на христианском национализме, стремилась оформлять меньшинства через религиозно-культурную, а не национальную призму. Так появились езидские храмы, религиозные телепрограммы и национальный день езидов — но механизмов политического представительства курдов при этом создано не было.

Параллели здесь прослеживаются и с ситуацией в Шенгале: после Геноцида 2014 года часть езидских политических акторов стала подчёркивать отдельность езидской идентичности, отталкиваясь от курдских партий, особенно ДПК в Южном Курдистане, что связано с уходом пешмерга из Шенгала во время наступления ИГИЛ*.

Общие корни — разные пути

Различия в самоопределении разных групп езидов — от отождествления себя с курдской нацией до предпочтения отдельной религиозной идентичности — сформированы сложным взаимодействием исторической травмы, политики и современных медийных нарративов.

Исторически езиды были частью курдского населения, что подтверждается османскими и сефевидскими источниками. Серия резней и преследований усилила чувство исключённости, а в коллективной памяти они закрепились как «геноциды», кульминацией которых стал Геноцид 74 (2014).

Сирийские, иракские, турецкие и иранские государственные структуры нередко использовали различия между курдами и езидскими общинами для подрыва курдских автономных проектов. Часть курдских СМИ, напротив, чрезмерно «курдизировала» езидов, игнорируя религиозную специфику. Обе тенденции породили недопонимание и внутренние расколы.

Несмотря на географические и политические различия между Арменией и Шенгалом, обе общины разделяют общие нарративы виктимизации, борьбы за выживание и сложной двойственной идентичности. В Армении политическое разделение закреплёно институционально; в Шенгале — связано с борьбой за автономию и поиском гарантий безопасности.

В обеих сферах двойственность «езид/курд», «религия/нация», «консерватизм/левизна» формирует внутренние дискуссии и конфликты. Курдские интеллектуалы Армении рассматривают разделение как искусственное и требуют единой курдской квоты, тогда как государство оформляет меньшинства как культурно-религиозные группы. Езидские лидеры, напротив, подчёркивают различие между нацией и религией, считая отдельное представительство естественным следствием исторической специфики.

** - террористическая организация, запрещена на территории РФ*